

Антропологические конфигурации философии*

Новое время закончилось первой мировой войной. Эпоха Просвещения разрешилась горой трупов. Русские интеллигенты в ожидании заката модерна желали поражения своему правительству. Вместе с закатом они встретили и конец христианской Европы. Европа скончалась в России.

После первой мировой войны некоторые люди еще удивлялись и недоумевали. А где же разум? Где культура? Что с прогрессом? Ведь это как-то не по-человечески убивать людей.

На волне недоумения возник экзистенциализм. Но было в нем что-то суетливое. Французское. На этой же волне в Германии появилась философская антропология. Она появилась солидно. С налетом научности. В 1915 г. М.Шелер написал «Идею человека». Написал скучно. Без куража. Кураж у него появится десять лет спустя. И это будет «Положение человека в космосе». В 1928 г. состоится пробуждение Г. Плеснера, который опубликует работу под названием «Ступени органического роста и человек». За ним объявятся А.Гелен с «Человеком», Э.Ротхакер, В.Зомбарт, Хенгстенберг, Хорни. Некоторым из них понравится новоязыческое содержание идей нацизма. Например, Зомбарту и Ротхакеру.

1. Итак, с одной стороны, трупы и безумие, а с другой — философская антропология, которая строилась немцами в предположение, что человек — это центр. Исходный пункт всякой философии. То, откуда уходят и куда возвращаются. Если человек не центр, не точка отсчета мысли, то мысль становится нам чужой. Враждебный в своей непонятности. Машинной отчуждения мысли в Европе была метафизика. И онтология.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФГФ №01-03-00422а.

Философская антропология бросает вызов онтологии. Растворяет ее в себе. Ведь если этого не сделать, то онтология с метафизикой сместят человека из центра бытия. Превратят его в маргинальность. Во что-то случайное. Необязательное. В таком мире убивать людей будет не страшно. И мировой войны в нем уже не избежишь. Это наивные греки придумали философию, ориентированную на космос. А немцы должны их поправить. То есть сделать ее более человеческой. Вот Фейербах. У него философия — это антропология. С такой философией не повоюешь. В ней человек — центр. Все определено через него. Он мера всех вещей. И поэтому человеку все ясно. Нет ни отчуждения, ни непонимания. Метафизика децентрирует человека. Отсылает его на периферию. К природе. Где он получает определения. А это натурализм. В сопряжении с эстетикой телесности.

Философская антропология манифестирует простые идеи: А. Человек всегда центр. Центр везде. Периферия нигде. Б. Философия — это антропология. Вернее, философская антропология. Помимо прочего антропология — это мир. В. Онтология и метафизика, напротив, затемняют мир. Отчуждают его. И поэтому они должны быть уничтожены. Онтология — это война.

2. Греки придумали философию. Немцы изменили грекам. М. Шелер написал сочинение «Гений войны» и предложил проект новой философии. Ибо со старой греческой не выживешь. Ведь в нашем мире сколько «я», столько и точек зрения. Картин мира. Несовместимых. А выжить в мире поименованных других с несовместимыми точками зрения нельзя. Ибо эти точки вступают в борьбу между собой и затем вовлекают в нее людей. Тяжба теней заканчивается борьбой среди людей. А это плохо. Сам человек становится для себя проблемой.

3. Почему философская антропология зародилась в европейском сознании? Почему не в России? Или не на Востоке, если Восток — это Китай, Индия и Япония? Потому что за все нужно платить. Например, за знание. Ведь мы либо ничего не знаем, либо не все. И к этому «не все» нужно все время что-то прибавлять. А прибавление не невинно. Если есть спрос на онтологию с метафизикой, его нужно удовлетворить. И рыночное европейское сознание его удовлетворяет ценой редукции человека. Ибо существование феномена человека разрушает однородность и непрерывность логических преобразований метафизиков. Разрушает представление о рационально устроенном мире.

Запад потерял человека. Дорогу к человеку. Восток сохранил. Поэтому Запад идет на Восток. Этот диагноз поставил К.Юнг. Что значит «потерял»? Это значит, что Европа расплатилась человеком за науку и технологии. За незнание законов природы. Ибо знание природы достигалось ценой незнания человека. Европейская философия имела дело с какими-то химерами: с экзистенцией, трансцендентальным субъектом и рабочей силой. А не с человеком.

4. Человек — это просто дыра в онтологии сознания. Пустое место. Философская антропология является попыткой залатать эту дыру в европейской онтологии. Безуспешная попытка вернуть человека в лоно рационального сознания. Поймать его. Европейскому сознанию хотелось системы. Порядка. А системы не получалось. Множились дискурсы, языки. Метафизические разрывы. Стремлением к синтезу, к связыванию много единым жила философская антропология. Человек — это всего лишь основа антропологического синтеза. Как бы затычка к любой бочке.

Пока у человека были привилегии, он размещался на вершине эволюции. А затем его лишили привилегий, т.е. ума и прочего. И после этого его надо было куда-то деть. Как-то разместить. Философская антропология стала администратором европейского сознания. И в этом смысле в ней реализован примитивный способ мышления. «Философская антропология» стала неудачей европейского сознания.

5. На Востоке не возможна никакая философская антропология. У него не было даже философии, т.е. онтологии с гносеологией. И поэтому Восток был ближе к опыту непосредственного восприятия человека.

И в России никогда не было философского сознания. К нам завезли эту форму. И она пустила у нас корни, различая внутри себя собственно философов и интеллигентов. Россия стала страной интеллигенции. Все мы отравлены ее плодами.

7. Существует много разных знаний. Знания бывают рефлексивные, технологические, исторические, методические, религиозные. А еще знания бывают научными. Наука — это определенный способ построения знаний. О чем? О предмете. Но не о всяком предмете, а только о таком, у которого нет скрытых от наблюдателя состояний. У которого нет изнанки. Научное знание строится в предположении, что у предмета нет внутренних состояний, скрытых от внешнего наблюдателя. Что предмет ничего о себе не представляет. Не говорит и не сообщает о

представляемом. Если бы у предмета было такое состояние, то научно знать его было бы нельзя. Потому что он мог бы водить нас за нос. И в каждый момент времени он мог бы от нас скрыться в своих внутренних состояниях, подсовывая нам вместо себя свой образ. Каждый предмет должен быть вывернут, лишен изнанки. И тогда мы его сможем научно описать. Это первое условие науки. Второе касается нас самих, т.е. внешних наблюдателей. Каждый человек является внешним наблюдателем, если он наблюдает со стороны сознания. Но не всякого, а только такого, которое однородно и непрерывно. О котором нельзя сказать, что оно мое. Оно должно быть ничье. И тогда оно будет универсальным. Ведь если сознание не будет непрерывным и однородным, то в нем появятся провалы и разрывы. Ведь ты можешь заснуть и что-то забыть. Или сказать, а тебя не поймут, ибо ты говоришь в терминах своего сознания, а не универсального. И тогда у тебя будет бельмо на глазу. Так вот, наука нуждается в однородном и непрерывном сознании. В постоянном бодрствовании. Т.е. все мы спим, забываем и делаем всякие прочие дела. А вот наука строится в предположении, что есть сознание, которое не спит и не забывает. Благодаря таким свойствам сознания становится возможным эксперимент и воспроизводимость опыта.

Науки о природе выполняют выделенные условия. А науки о человеке? Ведь получается, что человек — это и есть тот предмет, который не отделим от своих внутренних состояний. Значит, чтобы создать науку о человеке, нужно либо найти такое пространство, в котором человек теряет свое внутреннее, скрытое измерение. Либо же нужно отказаться от построения научного знания о человеке. Вот, например, марксисты. Они хотели людям счастья и полагали, что несчастья коренятся в изнанке. В неконтролируемых сознанием состояниях общества. А что это за состояния? Да рыночные отношения. Ведь они складываются у нас как бы за спиной. Мы их не видим, а они есть. И дают о себе знать то ростом цен, то ростом безработицы, то падением производства. Значит, нужно эти состояния устранить. А для этого требуется государственный план. Одно всевидящее око. Но люди есть люди, и убить человеческое, т.е. внутреннее, нельзя. Ведь мы одно делаем, другое говорим, а третье думаем. И ничего с этим поделывать нельзя. Итак, науки о человеке тем и отличаются от наук о природе, что они пытаются найти такую точку отсчета, с которой была бы видна и внутренняя сторона человека, и внешняя. И по одной стороне можно было бы судить о состоянии другой.

Науки о человеке сходны с науками о природе тем, что и те, и другие стремятся говорить на индивидуальном, т.е. ничейном, языке. Чтобы получить этот язык, его нужно лишить многозначности.

Все науки имеют дело с реальностью. Только вот реальность может быть разной. В мире есть то, что держится сцеплениями причин и следствий. И это реальность. Если ваза падает, то падает она не на потолок, а на пол. И разбивается. Вне зависимости от того, хотели мы или не хотели этого. Но есть вещи, которые существуют, если мы хотим, чтобы они были. Вот, например, свобода. Конечно же, она существует. Но ведь мы понимаем, что она существует не так, как существуют деревья. Дерево мы посадили, и оно растет, а мы занимаемся другим делом. А вот свобода — это не дерево. Сама по себе она не растет. И вообще не существует. Чтобы она была, нужно ее очень хотеть. Или добро. Само по себе добро не существует. Само по себе существует зло, а для того, чтобы было добро, нужно что-то специально делать. И пока мы делаем, оно есть. Перестали делать — и его нет. А это значит, что в окружающем нас мире есть вещи, которые существуют вне зависимости от нас. А так же есть еще и такие вещи, которые существуют, если мы хотим, чтобы они были. И эти вещи держатся уже не сцеплениями причин, а усилием воли. И поэтому-то стремлением к добру существуют хорошие люди. Вот эту реальность изучают науки о человеке.

А это значит, что антропология может стать наукой только в том случае, если она потеряет свой предмет. Если она откажется от человека и выработает нечеловеческий взгляд на общество. До тех пор, пока этого не случилось, философская антропология будет выступать в форме социальной алхимии. Кроме этого, существуют еще и вещи, которые действуют фактом своего существования. Т.е. все вещи действуют своим содержанием, а они действуют одним тем, что они есть. А есть виртуальная реальность, основу которой составляет не сама реальность, а ее образ. То, что она о себе думает и показывает публике.

8. Философия — субстанциальна, т.е. она может быть подлежащим, а язык делает из нее какое то прилагательное. Что-то содержательно сказуемое. Следовательно, все языковые формулы, в которых философия полагается как прилагательное, подозрительны. В них возможен обман.

Например, философская антропология. Что это? Зачем язык выстраивает какие-то классификационные ряды и помещает в них философию как прилагательное?

М. Мосс во Франции, а Ф. Боас в Англии придумали социальную антропологию. Затем появилась политическая антропология, культурная антропология. А это значит, философия стала одним из многих имен антропологии. Почему антропология мыслится как подлежащее? И что о нем может высказать философия?

В основе социальной антропологии лежит запрет на то, чтобы человек понимался в качестве чего-то произвольного. Случайного. Как порождение социума. Ведь если снять этот запрет, то окажется, что социум можно изучать вне зависимости от человека. От того, есть он или нет. Но тогда нельзя будет изучать суеверия и примитивные сообщества. А изучение суеверий — одна из задач социальной антропологии. Социальная антропология делает невозможной мысль о социуме самом по себе. Она представляет его как проекцию человека. Невозможность мысли о социуме дополняется невозможностью помыслить культуру. С этим связано возникновение культурной антропологии. Равно как немыслимость политики обуславливает существование политической антропологии.

Философская антропология может быть понята как невозможность для мысли помыслить саму себя. А поскольку никто не хочет в этом признаться, постольку философскую антропологию выдают за знание того, как представлен человек в различных философских рассуждениях. Это значит, когда-то были философы и они что-то говорили о человеке. А может, они умерли и попали в музей. А мы, музейные работники, рассказываем о них, рассуждающих о человеке. Они философы. Мы — трансляторы. Или обыватели. Мы даже не вписываем их рассуждения в контекст того, что самоочевидно только для нас. Мы историки философии, т.е. люди, говорящие о философии под давлением культуры. Исторических обстоятельств. А философы, видимо, умели ускользать из-под этих давлений истории.

Иными словами, философская антропология — это способ небывания нас философами. Отделывания от философии. Указания на невозможность непосредственного восприятия человека. Наше восприятие уже концептуализировано. Еще нашего восприятия не было, а мы уже что-то знаем. И это знание не может не настораживать, обращая нас к языку, к самому выражению «философская антропология». Словами «Философская антропология» создается патовое пространство, в котором, куда бы ты ни пошел, ты никуда не придешь. Пойдешь по пути ан-

тропологии — запутаешься в философии. И наоборот. Безрезультативность действия обнаруживается словом «патовое» и сказывается в слове «философская». Любое прилагательное приостанавливает прямое действие подлежащего. Например, «антропологии» или «пространства». И преобразует его. И в этом преобразовании не зависит от наглядных картин реальности. Поэтому-то философскую антропологию нельзя представлять как обобщение некоей антропологии. Ибо это глупо. Ведь антропология — наука. И обобщать ее можно средствами науки. А если философская антропология — это наука, то у нее должны быть предмет, метод, язык и прочее. Философия — это софия. У нее одна природа. Антропология — это логос. У нее другая природа. Философская антропология является продуктом сопряжения разных природ. Это некий кентавр. Полуфилософия. Полунаука. То, что своей неполнотой, своим «полу» может ввести в заблуждение.

Итак, само понимание феномена философской антропологии зависит от ответа на вопрос: является ли философия наукой или нет?

В свое время греки создали миф о кентавре. И этим мифом соединили подобное с неподобным. Создали «полу».

Некогда жил-был Иксион. Царь рапидов. Это был хороший царь. И боги решили отметить его. Выделить. Устраивая пир, Зевс пригласил на этот пир Иксиона. Конечно, Иксион не отказывается. И вот сидит он на пиру среди богов. Ест и пьет. Ему бы не пить, а он меры не знает. Напился. И пьяный положил глаз на богиню. На Геру. На жену Зевса. И приставать к ней стал. Зевс спрятал Геру. Закрыв ее облаком. А Иксион принял облако, т.е. Нефелу, за Геру. И совокупился с ним. И Нефела родила кентавра. Уродца. Получеловека. Полулошадь. Сам этот урод ни в чем не виноват. Но полноты в нем нет. Ибо бытие соединилось в нем с небытием. С образом бытия. Его тенью. Так вот таким Иксионом стал Шелер. Его Нефелой — философия. А кентавром — философская антропология.

9. Философская антропология определилась как новая структура мышления, начиная с «Положения человека в космосе». С работы М.Шелера. «Положение» — пространственный термин. Территориальный. Поэтому его можно заменить словом «место». И нет положения. То есть время детерриториализовано. Философская антропология начинает процесс территориализации метафизических понятий. Опространствливания.

10. Граница любого объекта является замкнутой линией. Определение места в пространстве является определением объекта. Взгляд субъекта натывается на поверхность объекта и снимает с объекта, как с луковицы, один видимый слой за другим. Каждый слой является прозрачным. С объекта снимают, а на стороне субъекта наращивают толщину очевидности. Полная очевидность на стороне субъекта сопровождается опустошением объекта. Пустотой.

11. Место человека всегда не занято. Пусто. И поэтому оно притягивает к себе. Если бы место человека было бы занято, то человек был бы уже до человека. И не было бы вопрошания человека о человеке. Никто не ставил бы себя под вопрос.

Никто из людей не на своем месте. Все беспокойны. И поэтому общество можно рассматривать не как то, что состоит из людей, а как коммуникацию пустых мест, как сообщающиеся сосуды. Философская антропология возможна вопреки ее основателям как антропология пустых мест. Антропология без человека. Ибо люди — это естественная среда коммуникации.

Что бы ни случилось с человеком — все неуместно. Т.е. человек — это пространство встречи случайных содержаний. Место, куда сбрасываются отходы человеческих коммуникаций. Культурный мусор. Но полнотой существования не заполнить изначальную пустоту человека. Чтобы управлять человеком, не надо против человека ставить человека. Достаточно видимости человека, чтобы управлять человеком. И видимости истины, чтобы править истиной.

12. В антропологическом знании есть пустота. Провал в дословное. Самопознание человека не может быть рефлексивно завершено. В нем есть дыра, которая влечет мышление к бесконечным попыткам ее стянуть, заштопать. Достроить. Мышление — это бесполезная страсть найти истину.

Мышление отворачивается от поисков объекта. Занимается собой. Обращает внимание на себя. Неполнота искушает мышление, притягивает его к себе. Мышление, мыслящее самое себя, это и есть философия, т.е. философия — это удел всякого пустого существования. Антропологической неполноты бытия.

13. Можно ли говорить о человеке на языке философии, говорящей о себе самой? Или, что то же самое, есть ли в человеке что-то, что мы можем знать философствуя?

Как знание философия бесспорно проигрывает науке. Потому что знание в ней нулевое. А вот онтологически она не заменима, ибо философия оказывается хорошей машиной суще-

ствования. В человеке есть что-то, что существует, если он философствует. Т.е. философия сопряжена с существованием, а не со знанием. Она экзистенциальна, а не гностична. Философия удерживает человека в режиме тавтологии, самосознания. А это порядок, в котором он есть то, что есть. Человек есть именно человек, а не что-то другое. Например, не животное. А это трудно, знать себя человеком, если ты животное. И тем самым быть человеком. Знать, чтобы быть. Вот это знание и составляет антропологический смысл философии, накладывающий запрет на то, чтобы философия понималась кем-то как наука. Как гнозис. Философия — это не наука. Если бы она была наукой, то тогда у нее был бы предмет. Всякие знания существуют предметно. А у философии нет своего предмета. Потому что если бы у нее был свой предмет, то она перестала бы заниматься самооговариванием. И стала бы инженерией знания. Технологией извлечения знаний из разных научных предметов. Науки производят знания, а философия выковыривает их из предметной скорлупы и спрягает в одном концептуальном пространстве. Как бы создает картину мира. Обобщает. Так вот, это иллюзорное представление о философии. У философии нет своего языка. И поэтому она говорит на том языке, который есть. Язык — один. И у философа, и у пастуха. Естественный. На нем мы говорим и о стаде, и о себе. На этом же языке мы и философствуем. И поэтому философ не может не вступать в борьбу с языком. Язык говорит одно. А мы хотим сказать другое. Ведь какой смысл говорить то, что говорится языком. Что само собой разумеется и всем понятно. Законченным значениям, означенным смыслам противопоставляет пространство неозначенных смыслов, незаконченных значений.

Всепонятность — модус забвения. Т.е. чтобы понимать, надо забывать. И забытым понимать. Так вот, все забывают, а философы помнят. И сквозь гул понимания они слушают язык забытого. И рассказывают, а их не понимают. Философия всегда имеет в виду не то, что обычно имеется в виду, и говорит не о том, о чем говорят. У нее немая речь. И дословное письмо.

14. Что же превращает обычную речь в философскую? Какова структура ситуации, в которой твоя речь становится метафизической, а твой язык превращается в язык философии. Важнейший элемент этой ситуации — встреча с немотствующим. С безгласным. Эта встреча меняет твою речь. Она становится косвенной. Окольной. Философия косноязычна. Кто хорошо говорит, тот не философ.

Второй элемент ситуации — это стремление дать слово дословному. Вернуть голос безгласному. Любой философский текст должен пройти испытание голосом. Пройти испытание, чтобы стать литературой. Философ не столько ученый, сколько артист. Его речь не только исследует, но и занимает.

Из того факта, что философия занята собой, следует, что человек не является центром философии. Не к нему ведут ее пути. Если бы все пути философии вели к человеку, то онтология стала бы антропологией. Но человек смещен из центра. И поэтому существует онтология как непрерывно возобновляемое усилие по смещению человека из центра. Несовпадение центра и человека, смещение самого центра позволяют говорить об антропологических конфигурациях философии. Невозможность говорения о человеке из одного центра, по одному правилу заставляет ввести представление о метафизических складках человека. Эти складки образуются в результате наложения трансцендентного и эмпирического миров. Встречи абсолютного и относительного. Встречи мистериальной. За эмпирическим содержанием всегда можно найти мистериальное содержание. Но между ними нет логически однородного перехода. А это значит, что установление антропологического смысла редуцирует метафизическое содержание, а установление метафизического измерения событий блокирует антропологическое содержание. Обнаружение метафизического содержания основано на принципе поводка, т.е. постепенном устранении следов человека в языке и обнаружении контрфактуального. Метафизического. Либо на редукции метафизического и установлении антропологического смысла. Метафизические складки образуются по четырем модусам: ускользания, расширения, рождения и заполнения человеческого в человеке.

15. Философская антропология распадается, с одной стороны, на изучение антропологических конфигураций в философии, а с другой — она проясняет вопрос о метафизических складках человека.

Везде следы человека. Всюду он наследил. Все заполнено антропологическими конфигурациями. Особенно язык. Он не только пространственно-временной. Он еще и антропологический.

Например, понятие пустоты. Оно является не физическим, а антропологическим. Если бы оно было физическим, то тогда отсутствие вещи предшествовало бы ее присутствию. Что нелепо. Пустота носит вербальный характер. Она образуется с появ-

лением слова, которое отделяет и затормаживает. И в этой отгороженности возникает пустота, которую нужно чем-то заполнить. Но чем? От характера заполнения пустоты зависит образование метафизических складок человека. Четыре фигуры заполнения: бог, другой, тело, сам — делают возможными четыре складки человека: трансцендентной, коммуникативной, позитивной и личностной.

Сначала человеку нужно было обнаружить пустоту в себе, чтобы затем ее можно было объективировать. Представить как мировую пустоту. Поэтому, если пространство мыслится как пустоеместилище вещей, но не потому, что оно пустое само по себе. А потому, что макрокосм сопряжен с микрокосмом. Антропологически пустота может узнаваться как доминирование неудовлетворенных желаний. Ненасытность человека объективирована в физическое представление о пустоте. Тогда же как антропологической конфигурацией представлений о пространстве как последовательности вещей является страсть к переменам. К новизне.

16. Все знают, что красота спасет мир. Но сама по себе эта формулировка непонятна. Т.е. непонятно, почему мир должен гибнуть? И почему его должна спасти красота, а, допустим, не любовь. Или равнодушие. Да и откуда мы взяли представление о гибели мира?

Философы когда-то обнаружили следы человека в языке и что-то увидели, оставив нам какое-то сообщение. Какой-то знак. А сами ушли. Умерли. И вот теперь нам нужно установить антропологическую конфигурацию. Найти понятный смысл. А понятно то, что касается тебя. Поэтому Платон рассказывает об идеальном мире, идеи которого наши души когда-то видели. И затем забыли. А это значит, что мы не можем в мире повседневных забот узнать идею добра. Или идею справедливости с благом. Нет в мире причин для добра. Нет причин для справедливости. Может быть, она и есть, да как ты ее узнаешь? Все несправедливо. И все же одну идею мы узнать можем. Это красота. Чтобы ее увидеть, нужны глаза. И все. Т.е. в этом мире мы можем узнать из того мира только красоту. И вот эта-то идея и приведет нас к подлинному миру. К трансцендентному. Она спасет нас.

Установить антропологическую конфигурацию сознания или метафизическую складку человека можно при помощи обесмысливания понятия. Приостановив действие его прямого значения, создавая тем самым антропологическое измерение про-

странства. Например, история это бесконечный тупик. Оксюморон. И мыслящее тело — это тоже оксюморон. В нем конечное подшивается к бесконечному, пустое к полному. В результате образуется шов. Складка. Так вот, греческая философия изобретает идею устремления подобного к подобному. Она создает бесшовную технологию конструирования мира. Без складок греки делали мир. А вот человека сделать без швов они не смогли. И вынуждены были тело подшивать к душе. Конечное — к бесконечному. Метафизические складки человека образуют патовое пространство. Ведь если ты конечное подшиваешь к бесконечному, а пустое к полному, то ты получаешь не космос, а тупик. Бесконечный тупик. Вернее, космос и есть бесконечный тупик греческой философии. Ее метафизический шов. А человек — это пустой атом греческой философии. Например, в греческой теории происхождения человека от животных акцент делался на неизвестных животных. Человек произошел от неизвестных животных. Потому что все животные сами выживают, а человек сам не выживает. Вот эта несамостоятельность в выживании и закреплена в метафизике человека. Сам он не выживет, но живет. А это непонятно. Т.е. греческая философия открыла путь к пониманию неочевидного. С чего начинает философ? С очевидного. С понятного. Он ведет за поводок само собой разумеющееся к тому, что обнажает иной смысл понятного. Рассуждения о красоте, благе, справедливости — это только поводки. Способ подвести собеседника к метафизическому расширению проблемы. К символу, в пространстве которого приостанавливается действие наглядных вещей.

Всякая антропология имеет свои метафизические швы. А философия — это рискованное дело наложения этих швов. Ни один человек не видел мысли самой по себе. Вне слова. Она всегда в конуре. В языке. Вернее, виден всегда язык. Вербальные контуры мысли. А вот мысли не видно. Не известно, есть она, мысль, в слове. Или нет ее. Или же слово — это только слово. Нормальных людей это не особенно волнует. А вот философы, вступив в борьбу с языком, провоцируют мысль. Дразнят ее пустым словом. Хотят, чтобы она выступила за пределы языка. Слова. Выманивают ее. Но это опасно. За пределами слова она кусается. Делает нам больно.

Когда мысль в языке, она не заметна. Но мысль, которая покидает язык, это уже тело. Действие, причиняющее боль. И поэтому возникает желание загнать ее обратно, на место. В язык. Запеленать словами. Интеллигенция дразнит и выманивает мысль из оболочки слова. Философия загоняет ее обратно.

Итак, антропологические конфигурации философии используют человека как объяснительный принцип философии. Как разъяснение знаков меньшинства большинству. В теории метафизических складок человек предстает уже как предмет объяснения.

В современной культурной ситуации встречаются кризисы и проблемы. Кризис требует возврата к началу. А проблема — преодоления препятствия. Все стало проблемой. Мы привыкли жить среди проблем. У греков не было проблем. Они жили в обжитом мире. А мы живем как на фронте. Среди пуль. Ведь проблема — это реальное препятствие. Нельзя оставаться в прежнем положении, не меняясь. Апория, т.е. отсутствие пор, щелей, трещин, через которые можно было выйти, заставляет человека измениться.

17. Одним из следствий теории метафизических складок человека является ограничение органических воззрений на человека. Обычно человек понимается органически, как нечто целое. Одно-родное. Но уже вопрос о связи души и тела ставит под сомнение его органичность. Человек не органическое существо, а клиповое. Собранное из разных фрагментов. При этом, чтобы удержать собранное вместе, нужно наложить швы. Т.е., человек — это пространство сбора, стыковки частей без целого. Дело не в том, что целое неделимо. Не имеет частей. А в том, что возможно существование частей без целого. Так вот, человек — это пространство склеивания этих частей. Их сочетания, в котором, в свою очередь, нет логики. Эту мысль греки выражали на языке мифа о том, что в начале существовали части человека, которые, встречаясь, могли составить какое угодно образование. Пока не выжило то, что сейчас названо человеком.

18. В мифе Платона об андрогине люди пожелали стать богами. Конфигурация этого желания связана с неудачей, которой определена сфера человеческого. Человек — это бесполезная страсть стать богом. Каждый человек есть то, что он есть в горизонте несостоявшегося события. Конечно, боги могли уничтожить людей. Если бы не были так жадны. Они побоялись лишиться почестей и подношений людей. И поэтому разделили их пополам, чтобы умножить. И одновременно ослабить. Люди стали скромнее. Антропологическая конфигурация скромности проста. Теперь люди хотят стать полными. Т.е. человек — это пустое желание стать полным. Ибо только пустой стремится стать полным. Боги, разделив людей пополам, сделали их пустыми. А пустота превратилась в фундаментальное понятие антропологии.

Когда люди были полными, они были бесполоми. Ибо пол — это половина. И поэтому пол мешает человеку стать полным. Отсутствие, нехватка определяют существование людей. Полный человек бесстрастен. Пустой охвачен чувством любви. Тягой к свободе. Каждый человек — это полчеловека. А сверхчеловек — это полный человек. Т.е. бесполоый, бесчувственный.

Все, что в душе человека от Зевса, неделимо. Например, ум неделим. Ибо он бесполоый. Если бы он делился, то были бы возможны и полумысли. И они бы совокуплялись. Естественно размножались. И добро неделимо. Оно может быть только полным. Или не быть. А вот человек может быть и неполным. Получеловеком.

19. В мифе Платона о душе указаны три ее части. Почему? Потому что ничто не может прийти в столкновение с самим собой. Ум не может противоречить уму. Чувство не может столкнуться с чувством. Нельзя бытие ставить против бытия, а истину — против истины. Ибо они однородны. А душу можно. Она одна вступает в борьбу с самой собой. Ибо в ней есть божественное и человеческое. Она не однородна. И поэтому небо стоит. И земля. Пока есть душа. Без нее мир остановится. Движение пропадет. Крылья не вырастут. А вот если у тебя есть память и ты здесь, на земле, вспоминаешь небесную красоту, то у тебя они начинают расти. И ты поднимаешься под небосвод. Вслед за богами. Боги — на конях. И люди — на конях. Но у богов оба коня хороши. А у людей один хорош, а другой — плох. Душа теряет крылья и падает вниз. Поэтому жизнь человека помещена между взлетами и падениями. А душа его состоит из частей, которые приходят друг с другом в столкновение. Если бы не было этих частей, то люди бы стали богами. Или животными. В каждом человеке есть метафизический шов. Складка с трансцендентным.

Греки признали возможным существование получеловека, полдуши, чтобы сохранить состояния, в которых у людей начинается творческий зуд. И у них начинают расти крылья. Полнодушие накладывает запрет на творчество. На пафос души, благодаря которому начинали расти крылья.

20. Философия — это встреча с немолчающим. И рассказ об этой встрече. Мыслить значит рассказывать себе. Говорить с собой без свидетелей. Без другого. Другой — это язык. А ты — это что-то неязыковое. Философ говорит с собой без языка, в пространстве нулевого дискурса. И поэтому он говорит в терми-

нах очевидности. То, о чем он говорит, и то, как (посредством чего) он говорит, неотличимо. Никому не нужен язык для разговора с собой. Для того, чтобы встретиться с немотствующим.

Говорить с собой это значит отказываться от языка. Язык тебя связывает с другим. Однажды ты решаешь отказать от другого. Другого уже нет, а язык еще остается. И ты говоришь на этом языке с собой. И ты по-прежнему говоришь с собой как с другим. Пока не откажешься от языка.

Если ты не откажешься от языка, то ты всегда будешь говорить при свидетелях. А свидетель — не немой. Он болтлив. У него тот же язык. Он знает тайну. Секрет. Свидетель всегда может встроиться в твой разговор. И увести тебя от встречи с собой. Свидетель, сообщенный с языковой тайной, гипнотизирует. Он может стать твоим гипнотизером. Эта возможность радовала Гегеля. И не радовала Шопенгауэра.

Другой перестает быть другом. И начинает быть Змеем. Язык — это ветхозаветный змей. Философский археоавангард накладывает запрет на разговор с другим. На диалог. Никому нельзя повторять ошибку Адама с Евой. Слушать язык значит подчиняться языку. Готовым смыслом. И верить в свою невиновность. Никто не невинен, пока говорит язык.

Философ — это первогеометр. Тот, кто впервые что-то узнает. О себе или о том, что рядом с тобой. Ты что-то узнал и одновременно ты узнал, что эти знания в рамках твоего сознания. Это твои знания. И поэтому они не являются объективными.

Нефилософы ищут опору. Поддержку вне себя. Им нужна интрасубъективность. Коллективное сознание. Философ остается у себя. У каждого философа своя метафора. Свой язык.

Притяжательные местоимения указывают на границу языка. Если я говорю, что это мои знания, то я тем самым говорю, что у меня есть внеязыковые знания. Все, что находится в пределах моего сознания, то находится вне языка. И наоборот. Быть в языке значит быть вне себя. Быть вне пределов своего сознания.

Рассказывая, я объективирую себя. Ибо рассказывать значит рассказывать другому. Свидетель-друг записывает рассказанное. Мое, рассказанное и записанное, — это уже не мое, а что-то объективное. Рассекреченное. Управляемое языком, а не мной. Язык лишает меня моих мыслей, чувств и созерцаний. Поэтому философия — это попытка найти место для себя в мысли, в чувстве и созерцании. В языке уже осевших смыслов. Пока смыслы не осели, пока они не стали готовыми, есть место для

тебя. Когда они готовы в своей законченности, тогда нет места для тебя. А есть место логике. И тебе нужно совершать лишь последовательность действий, указанных культурными образцами. Философ взбалтывает смыслы, поднимает их и держит во взвешенном состоянии.

Говорить себе значит говорить о самих вещах. Вне языка. Т.е. никто не может говорить себе и одновременно говорить о языке этого говорения. Это только в языке предполагается раздельное существование того, о чем идет речь, и того, посредством чего эта речь ведется. Язык рефлексивен. И не дает возможности приблизиться к самим смыслам.

В разговоре с собой не нужен знак ни в его указательном, ни в его выразительном отношениях. На объект указывают. Субъект выражается, если он хочет что-то сказать. Но во внеязыковом разговоре с собой слова не могут выполнять ни указательную функцию, ни выразительную. В нас нет того, на что можно указать. Ибо указывают на другое. И нет того, что бы ждало выражения. Что бы было сообщено. Нет во мне, кроме меня, того, что бы я сообщил себе. В разговоре с самим собой происходит нулевая коммуникация. В речи к себе обнажается пустота. И молчание, сопряженное с неязыковой пустотой. Ибо присутствующее непосредственно-невидимо. А видимо то, что отсутствует. Язык ставит в положение отсутствия. Философу интересно непосредственно присутствующее. Всякая очевидность проста, как нечто не раскладываемое в последовательности. След — не имя настоящего. Или целого в его дословности. Никто не может в терминах воспроизведения описать произведение. А в терминах произведения описать реальность, объективированную воспроизведением. В речи, обращенной к себе, узнают о произведении, за которым не последовало воспроизведения. Речь, обращенная к другому, помещает тебя в последовательность, которой не предшествовало целое. В пространство воспроизводства, за которым нет пространства производства.

Если ты не можешь разговаривать себя, испытать себя своим голосом, тогда тебе надо замолчать. Немая речь философа спасает его от обесмысливающей работы языка. Когда люди говорили между собой и слушали друг друга, они слышали голос змея. Теперь нам нужно помолчать, чтобы в молчании услышать голос бога. Это первая антропологическая конфигурация философии.

21. Все попытки философствующего примириться с другим означают ускользание голоса, дословности. А без голоса невозможно объективирование немоты. Ускользание немоты принуждает нас наткнуться на другого. Чтобы мыслить, нужно быть пустым. Все пусто. Везде пустота. Это вторая антропологическая конфигурация философии.

Современная философия — это рассказ о встрече, которая не состоялась. Поэтому она живет языком, но не сознанием. Сознание и язык разошлись, чтобы больше не встречаться. Сознание ушло, а рефлексия осталась. Рефлексия ведет нас сегодня не к сознанию и не к вещам самим по себе, а к мертвому языку. К следам ушедшего сознания. К терминам.

Для того, чтобы мысль определялась не тем, что вне мысли, а собой, нужно перестать жить. Т.е. мысль и существование никак не связаны. Потому что если бы они были связаны, то мы бы не существовали. А поскольку мы существуем, постольку мы не мыслим. Это третья антропологическая конфигурация философии.

После того, как рефлексия отделилась от сознания и мы перестали мыслить, нужно было куда-то деть истину. Археоавангард связал истину с существованием. Там, где была мысль, осталась правильность. А там, где мы существуем, появилась истина. Но узнать ее мы можем мистериально. Правильность погубила мысль. Это четвертая антропологическая конфигурация философии.

Археоавангард допускает все, что говорилось до него, и все, что будет говориться после него. Чтобы быть совместимым, нужно быть безразличным. Равнодушным. Философская речь ничего не добавляет и ничего не убавляет. И поэтому она никогда не обманывает. Нулевой дискурс составляет пятую антропологическую конфигурацию философии.

Всякая мысль есть движение языка из пустоты в пустоту. Движение — это перенос значений. Если бы не было пустых слов, пустых смыслов и пустого Я, то не было бы и переноса. Не было бы движения мысли. А был бы язык, на котором невозможно мыслить. Ведь язык создавался не для мысли, а для того, чтобы составить план выражения чувств, эмоций и страстей. Это потом язык переделывали для мысли. В результате появилось пустое Я и пустые слова. Поэтому единственное, что философ может делать, — это переносить значения из пустого в порожнее. Т.е. мыслить. И мыслить метафорически. Что образует шестую антропологическую конфигурацию философии.

22. Всякий разговор начинается с простого. С разговора. С того, что устанавливается голосом. С беспредметного пафоса задушевного. Голос связан с душой, являясь ее объективацией. Самореференция разговора возникает в момент отсутствия наперед заданного предмета. Разговор без предмета делает разговор бессмысленным. Т.е., вступая в разговор, необходимо преодолевать инерцию бессмысленности в надежде, что потом, в ходе разговора, появится и предмет разговора. И смыслы. Хотя никаких гарантий появления предмета получить нельзя. Не у кого. И поэтому всякий раз заново нужно вступать в бессмысленное говорение, сожалея о том, что предметы разговора в аудиториях не сидят. На полках не пылятся и по улицам не бегают. А это значит, в любом разговоре важен не ум, не то, что будет потом с умом. А сила эмоций. Энергия страсти. То, что протащит тебя через дыру бессмыслицы. К смыслу. Это седьмая антропологическая конфигурация философии.

Археография разговора приводит к осознанию двух возможных стратегий философствования. В одном случае разговору предшествует предмет разговора и сопряженный с ним язык. В другом — разговор начинается с нуля. В пустоте. Предметный разговор требует ума и языковой изощренности. Ведь трудное это дело непрерывно говорить об одном и том же предмете. Запал новизны такого разговора конечен. Беспредметный разговор требует усилий не головы, а сердечности. Воли к целомудрию конца. Вторая стратегия составляет стиль русской философии. Первая — европейской. Русские философы лишены интеллектуальных традиций. Они некультурны. И поэтому им нужно быть самими собой. Особенно в нулевой точке разговора. Ведь что они не скажут, то беспредметно. Глупо. Европейский философ умен культурой. Он еще не родился, а предметы разговора уже его поджидают. Ждут, когда он заговорит. Если он заговорит, то сразу же ясно и осмысленно. Это восьмая антропологическая конфигурация философии.

Когда М.Шелер посмотрел на свое среднеобразованное европейское сознание, он увидел там три идеи: христианскую, метафизическую и позитивную. Увидел и пришел в ужас от этого множества. Из трех идей он решил сделать одну. Для этого Шелер позитивную идею подшил к метафизической, а метафизическую — к христианской. Затем посмотрел на то, что получилось. И умер от разочарования. Ибо получилась теория неокончательного бога. Идей не было. Были одни швы. Философс-

кая антропология Шелера — это швейная машинка Зингера. Она сшивает человека из разных форм бытия. Одно как тотальность требует всеединства. Или солипсизма. А множественность существования конституирует лицо. Это девятая антропологическая конфигурация философии.

Изображение человека в четырех модусах, а именно в модусе ускользающего *что*, в модусе расширения, в модусе непрерывного рождения и в модусе заполнения пустого — составляет смысл авангардистской антропологии. Одно из приложений философского археоавангарда. Это десятая антропологическая конфигурация философии.